

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Географический факультет
Кафедра туризма и страноведения

**«ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА
В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ»**

Материалы
Республиканской научно-практической конференции

(Брест, 24–25 ноября 2016 г.)

Брест, 2017

I – конфликты интересов, связанные с интересами инвесторов в земельном участке с существующей застройкой. В некоторых случаях приобретают криминальный характер, например, поджоги деревянных строений.

Конфликты интересов внутри группы игроков:

1 – конфликты интересов, связанные с лоббированием интересов, дублированием полномочий, передачей информацией и т.д. Механизмом разрешения конфликтов являются четкое разделение полномочий, прозрачность деятельности всех структур органов местного самоуправления и контроль соблюдения законности в их деятельности.

2, 3 – недобросовестная конкуренция среди проектировщиков и застройщиков соответственно. Инструментами разрешения конфликтов являются соблюдение нормативных требований в этой сфере деятельности.

Предложенная типизация градостроительных конфликтов позволила систематизировать конфликты, возникающие между различными группами игроков и проанализировать наличие и эффективность институциональных механизмов их разрешения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Persson, J Theoretical reflections on the connection between environmental assessment methods and conflict / J. Persson // *Environmental Impact Assessment Review*. – 2006. – Vol. 26. – Pp. 605–613.

2 Prenzel, P. V., Vanclay, F. (2014). How Social Impact Assessment Can Contribute to Conflict Management / P.V. Prenzel, F. Vanclay // *Environmental Impact Assessment Review*. – 2014. - Vol. 45. – Pp. 30–37.

3 Sevilla-Buitrago, A. (2013). Debating Contemporary Urban Conflicts: a Survey of Selected Scholars / A. Sevilla-Buitrago // *Cities*. – 2013. – Vol. 31. – Pp. 454–468.

УДК 911.5:711.136

СОКОЛОВ А.С., СИВАКОВА Т.А.

г. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины

ЛАНДШАФТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ПЛОТНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Целью настоящей работы является анализ ландшафтных закономерностей распространения сельского населения на территории Брестской области. Его показатели (плотность, доля селитебных ландшафтов и другие) часто используются в качестве интегрального показателя антропогенного воздействия [1, 2 и др.].

Для каждого ландшафтного контура была определена плотность сельского населения и составлена карта (рисунок 1), затем значение плотности сельского населения и доли площади населённых пунктов в ландшафтах были определены для родов и подродов ландшафтов Брестской области (таблица 1).

Источником информации о местоположении и площади населённых пунктов являлся слой «Полигоны населённых пунктов» (settlement-polygon) в формате shape-файла из набора слоёв проекта OpenStreetMap для Беларуси [3], о численности населения – справочник «Гарады і вёскі Беларусі» [4]

I – конфликты интересов, связанные с интересами инвесторов в земельном участке с существующей застройкой. В некоторых случаях приобретают криминальный характер, например, поджоги деревянных строений.

Конфликты интересов внутри группы игроков:

1 – конфликты интересов, связанные с лоббированием интересов, дублированием полномочий, передачей информацией и т.д. Механизмом разрешения конфликтов являются четкое разделение полномочий, прозрачность деятельности всех структур органов местного самоуправления и контроль соблюдения законности в их деятельности.

2, 3 – недобросовестная конкуренция среди проектировщиков и застройщиков соответственно. Инструментами разрешения конфликтов являются соблюдение нормативных требований в этой сфере деятельности.

Предложенная типизация градостроительных конфликтов позволила систематизировать конфликты, возникающие между различными группами игроков и проанализировать наличие и эффективность институциональных механизмов их разрешения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Persson, J Theoretical reflections on the connection between environmental assessment methods and conflict / J. Persson // *Environmental Impact Assessment Review*. – 2006. – Vol. 26. – Pp. 605–613.

2 Prenzel, P. V., Vanclay, F. (2014). How Social Impact Assessment Can Contribute to Conflict Management / P.V. Prenzel, F. Vanclay // *Environmental Impact Assessment Review*. – 2014. - Vol. 45. – Pp. 30–37.

3 Sevilla-Buitrago, A. (2013). Debating Contemporary Urban Conflicts: a Survey of Selected Scholars / A. Sevilla-Buitrago // *Cities*. – 2013. – Vol. 31. – Pp. 454–468.

УДК 911.5:711.136

СОКОЛОВ А.С., СИВАКОВА Т.А.
г. Гомель, ГТУ им. Ф. Скорины

ЛАНДШАФТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ПЛОТНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Целью настоящей работы является анализ ландшафтных закономерностей распространения сельского населения на территории Брестской области. Его показатели (плотность, доля селитебных ландшафтов и другие) часто используются в качестве интегрального показателя антропогенного воздействия [1, 2 и др.].

Для каждого ландшафтного контура была определена плотность сельского населения и составлена карта (рисунок 1), затем значение плотности сельского населения и доли площади населённых пунктов в ландшафтах были определены для родов и подродов ландшафтов Брестской области (таблица 1).

Источником информации о местоположении и площади населённых пунктов являлся слой «Полигоны населённых пунктов» (settlement-polygon) в формате shape-файла из набора слоёв проекта OpenStreetMap для Беларуси [3], о численности населения – справочник «Гарады і вёскі Беларусі» [4]

Таблица 1 – Плотность сельского населения (P) и доля селитебных ландшафтов (D) для различных родов и подродов ландшафтов Брестской области

Род, подрод	Доля, %	P, чел./км ²	D, %
Аллювиальные террасированные	12,8	20,5	8,6
С поверхностным залеганием аллювиальных песков	1,3	31,8	26,7
С прерывистым покровом водно-ледниковых супесей	7,1	15,0	6,5
С покровом водно-ледниковых суглинков	4,4	26,1	7,3
Вторичноморенные	9,4	22,2	9,6
С покровом водно-ледниковых суглинков	0,9	31,5	10,7
С покровом водно-ледниковых супесей	8,5	21,3	9,5
С покровом лессовидных суглинков	0,0	9,8	8,9
Вторичные водно-ледниковые	21,9	13,0	5,2
С поверхностным залеганием водно-ледниковых песков	13,9	13,3	5,2
С покровом водно-ледниковых супесей	1,1	20,4	8,2
С прерывистым покровом водно-ледниковых супесей	7,0	11,4	4,9
Озёрно-аллювиальные	16,1	18,0	7,1
С поверхностным залеганием аллювиальных песков	10,1	15,5	5,2
С прерывистым покровом водно-ледниковых супесей	6,1	22,4	10,5
Пойменные (с пов. покровом аллювиальных песков)	7,9	17,5	8,7
Холмисто-моренно-эрозионные	7,1	17,3	8,6
С покровом водно-ледниковых суглинков	5,9	18,9	9,6
С покровом лессовидных суглинков	0,0	2,9	10,6
С прерывистым покровом водно-ледниковых супесей	1,2	10,0	3,4
Речные долины (с пов. покровом аллювиальных песков)	1,6	12,8	5,8
Болотные	15,7	8,0	2,3
С поверхностным залеганием торфа	7,8	8,4	2,0
С поверхностным залеганием торфа и песком	7,9	7,7	2,3
Моренно-зандровые (с прерывистым покровом водно-ледниковых супесей)	7,4	33,0	13,9

Региональные различия в показателях экологического состояния ландшафтов и степени их селитебной освоенности представлены в таблице 1 и на рисунке 1.

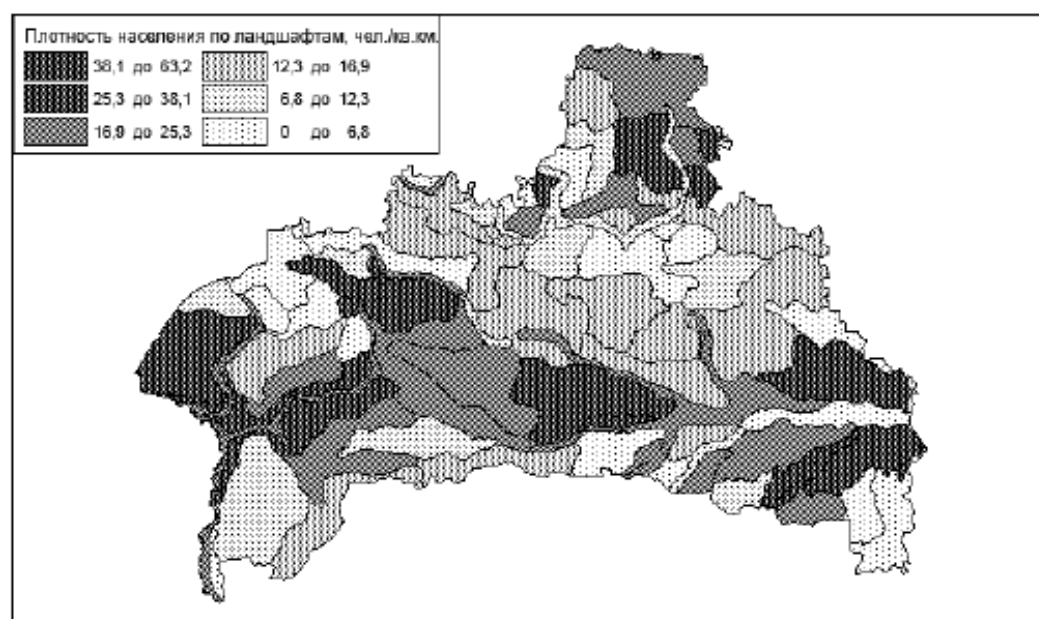

Рисунок 1 – Плотность сельского населения по ландшафтам

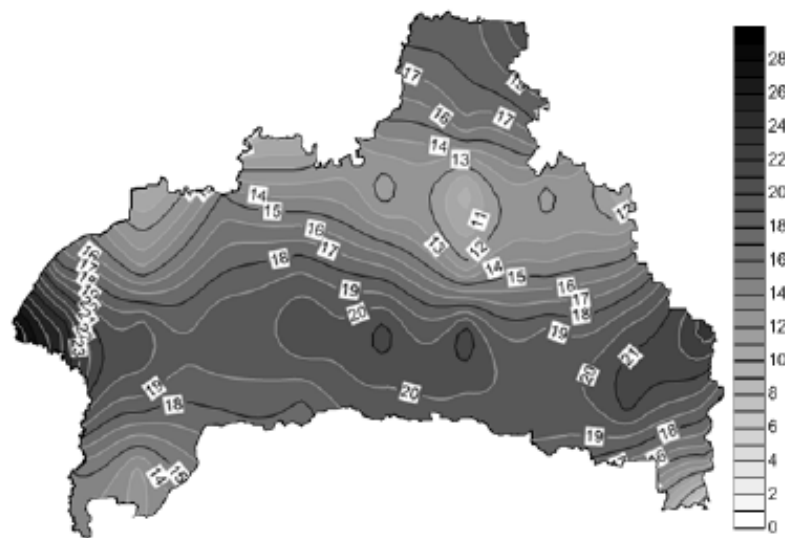

Рисунок 2 – Поле плотности сельского населения, чел./км²

В среднем по области плотность сельского населения составляет 17,0 чел./км², плотность населённых пунктов – 7,5 на 100 км², доля селитебных ландшафтов 7,22 %, средняя людность сельского населённого пункта 225 человек, средний размер 0,96 км². Среднее ближайшее расстояние между населёнными пунктами составляет 0,94 км.

К родам ландшафтов с максимальной, плотностью сельского населения (выше 20 чел./км²) можно отнести моренно-зандровые, вторично-моренные и аллювиально-террасированные ландшафты. Минимальные значения плотности характерны для болотных и ландшафтов речных долин. Так же низкое значение (в 1,3 раза ниже среднеобластного) плотности имеет род вторичных водно-ледниковых ландшафтов. Остальные роды отличаются по плотности сельского населения от среднеобластного значения не более чем на 1 пункт. В пределах родов показатель плотности может существенно различаться в зависимости от характера подстилающих пород (таблица 1). Так, в пределах озёрно-аллювиального ландшафта для подрода с поверхностным залеганием аллювиальных песков он в 1,5 раз ниже, чем для подрода с прерывистым покровом водно-ледниковых супесей, а в пределах вторично-моренных и холмисто-моренно-эрозийных ландшафтов плотность для подрода с покровом водно-ледниковых суглинков на 8,9-10,2 чел./км² выше, чем для подрода с покровом водно-ледниковых супесей

Кроме картографирования плотности сельского населения с использованием ландшафтных операционных территориальных единиц, нами было проведено картографирование плотности сельского населения в виде непрерывного поля способом псевдоизолиний. При этом применяется метод «скользящего кружка» [5]. На карте области было равномерно размещено 145 точек, вокруг которых проведены окружности диаметром. Подсчитана плотность населения в пределах окружностей, полученные значения присваивались точкам в центре окружностей, по которым затем были проведены изолинии (рисунок 2).

Исследование выявило субширотный характер изменения плотности сельского населения – его повышенные значения характерны для северной части области (17-20 чел./км²), затем к центральной части этот показатель падает до 11-13 чел./км² и вновь повышается в южной части до 19-21 чел./км². На самых южных участках – крайние юго-запад и юго-восток – также наблюдается снижение плотности данного показателя (14-16 чел./км²).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Элизбарашвили, Н. К. Ландшафтный анализ размещения населения Грузии / Н. К. Элизбарашвили, Д. А. Николаишвили // География и природные ресурсы. – № 4. – 2006. – С. 150–155.
2. Исаченко, А. Г. Введение в экологическую географию / А. Г. Исаченко. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – 192 с.
3. Беларусь (BY) [Электронный ресурс] // Данные OSM в формате shape-файлов. Слон. – Режим доступа: <http://beryllium.gis-lab.info/project/osmshp/region/BY>. – Дата доступа: 10.10.2016.
4. Гараты і вёскі Беларусі : энцыклапедыя : у 15 т. Брэсцкая вобласць : у 2 кн. Кн. 1 – Мн.: Беларус. энцыкл., 2006. – 528 с.; Кн.2. – Мн.: Беларус. энцыкл., 2007. – 608 с.
5. Червяков, В.А. Количественные методы в географии / В.А. Червяков. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – 259 с.

УДК 911.3:314 (476)

СОЛОП К.С.

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КОБРИНСКОМ РАЙОНЕ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

В последние десятилетия демографическая ситуация в нашей республике характеризуется отрицательным коэффициентом прироста населения. Главными причинами замедления прироста населения и его естественной убыли являются низкая рождаемость и высокая смертность. Кобринский район, как и немногие другие районы Беларуси, является исключением, т.к. в последние годы положительные показатели естественного прироста являются преобладающими.

Численность населения в Кобринском районе с 1999 года по 2016 год снизилась на 6560 человек и к 2016 году составила 85438 человек. Постепенному снижению численности населения способствовали низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности, что привело к длительному отрицательному естественному приросту до 2012 года. Однако это обусловлено отрицательным естественным приростом сельского населения, тогда как ситуация в городской местности (г. Кобрине) была более благоприятной.

Одним из самых многоаспектных социальных процессов является миграция населения. Она прямо или косвенно, а нередко и через некоторый промежуток времени влияет на все стороны жизни общества. Чем интенсивней протекает процесс миграции, тем больше изменений он приносит в развитие отдельных территорий. Изучение тенденций миграции Кобринского района, как и всей Брестской области, началось лишь с начала 60-х годов, так как до этого времени протекание миграционных процессов было обусловлено историческими факторами и подвержено влиянию субъективных решений [1, с. 37].

Единственным положительным, а, следовательно, и самым большим показателем миграционного прироста обладал 2001 год и составлял – 129 человек. Наибольшим отрицательным показателем характеризовался 2009 год, где он достиг -832 человека. На протяжении всего исследуемого периода число выбывших превышало число прибывших и сальдо миграции было отрицательным, а исключением стал лишь 2001 год. Рост общего объема миграционных перемещений исследуемого района был обусловлен не только увеличением числа прибывших в городские поселения (г. Кобрин), но и числом выбывших из них.